
ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 2 (484). С. 87–93.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(2(484):87-93. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 141:62

doi: 10.47475/1994-2796-2024-484-2-87-93

ТЕХНОМЕДИА КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Валерий Русланович Филонов

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, filvals@yandex.ru, ORCID: 0009-0001-7059-7530

Аннотация. В данной статье проводится анализ истоков и значимости практики внедрения телекоммуникационных инструментов в формировании современного информационного общества. Основной акцент делается на социополитической программе «медиа реализма» и роли технических инноваций в её воплощении. Автором рассматриваются философские концепции М. Хайдеггера, Б. Латур и М. Деланда, и их вклад в разработку онтологического понимания медиапространства. Особое внимание уделяется выявлению прагматической и культурно-психологической функции средств коммуникации, их роли в современном военно-стратегическом дискурсе. Статья подчеркивает милитарный характер техномедиа, выявляя материально-техническую основу этой сферы, которая заключается в интенсивном взаимодействии акторов коммуникации и их борьбе за контроль над информационными потоками. Цель данной статьи — исследовать влияние техномедиа на философский дискурс и обнаружить его роль в современном медиапространстве. При исследовании использовались методы онтологического анализа и сравнительно-исторического подхода, чтобы раскрыть фундаментальные аспекты взаимосвязи динамики развития медиапространства и философских теорий.

Ключевые слова: философия техники, техномедиа, медиа реализм, сеть, акторы, диссипативные системы, машинный филум, информационно-психологическая операция

Для цитирования: Филонов В. Р. Техномедиа как предмет философской рефлексии // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 2 (484). С. 87–93. doi: 10.47475/1994-2796-2024-484-2-87-93

Original article

TECHNOMEDIA AS A SUBJECT OF PHILOSOPHICAL REFLECTION

Valery R. Filonov

Orel State University named after I.S. Turgenev, filvals@yandex.ru, ORCID: 0009-0001-7059-7530

Abstract. This article analyzes the origins and significance of the practice of introducing telecommunication tools in the formation of a modern information society. The main focus is on the sociopolitical program of «media realism» and the role of technical innovations in its implementation. The author examines the philosophical concepts of M. Heidegger, B. Latour and M. Delanda, and their contribution to the development of an ontological understanding of the media space. Special attention is paid to identifying the pragmatic and cultural-psychological functions of the means of communication, their role in modern military-strategic discourse. The article emphasizes the militaristic nature of techno-media, revealing the material and technical basis of this sphere, which consists in the intensive interaction of communication actors and their struggle for control over information flows. The purpose of this article is to investigate the influence of techno-media on philosophical discourse and to discover its role in the modern media space. The research used methods of ontological analysis and a comparative historical approach to reveal the fundamental aspects of the relationship between the dynamics of the development of the media space and philosophical theories.

Keywords: philosophy of technology, techno-media, media realism, network, actors, dissipative systems, *machine phylum*, information and psychological operation

For citation: Filonov VR. Technomedia as a subject of philosophical reflection. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(2(484):87-93. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-484-2-87-93

Постановка проблемы

Внедрение телекоммуникационных инструментов играет ключевую роль в формировании современного информационного общества. Истоки этих процессов можно обнаружить в первой половине XX века, во времена распространения массовой культуры как коммерческого предприятия, которое в дальнейшем станет подобием «культуры масс», где в той или иной степени растворяются народные и национальные элементы фольклора. Средства коммуникации играют важную роль в повседневной жизни, а также являются неотъемлемой частью человеческой деятельности. Понимание важности взаимодействия между философией и современной техникой неизбежно привлекает внимание философов, чьи мировоззренческие установки подвержены воздействию современных технологий. Этот синтез философии и технического прогресса активно способствует разработке новых философских концепций. Цель данного исследования заключается в поиске «соприкосновения» теоретиков с возникшей ситуацией «взрыва», развития технологий. Понятие «техномедиа» объединяет сферу информационных технологий и социальной коммуникации, которые используются для создания, распространения и потребления медиаконтента. «Техномедиа» в качестве неотъемлемой составляющей этого взаимодействия приобретает особую значимость, создавая новые измерения человеческих конфликтов. В данном контексте, рассмотрение этой проблематики является не только актуальным, но и необходимым шагом для понимания современной динамики общества и культуры.

«Медиареализм» как философско-политическая программа

С появлением первых средств массовой информации многие политики увидели их потенциал для распространения своей идеологии и культуры. Ставка на технологическую модернизацию, наращивание мощностей типографии, радиовещания обозначила старт социополитической программы «медиареализма», где связь и коммуникация играют первостепеннейшую роль в механизме работы общества и политической власти.

Логика «медиареализма» заключается в захвате коммуникационных узлов. Так, например, для большевиков было очевидно, что главной задачей в военно-политической борьбе является захват телеграфа и почтамтов на железнодорожных станциях [5]. Средства связи актуализируются и являются «нервной системой» в управлении, материально-техническое основание которых способно поддерживать высокий уровень обратной связи. Техномедиа стала выполнять роль канала общественного мнения, перед давлением которого небольшое количество людей сможет устоять. По мнению Х. Ортеги-и-Гассета, в «массового человека» вдохнули технический прогресс последних лет, который способствовал его «восстанию». Эта ситуация привела к доминированию в медиaprостранстве произведений масс-культурного характера: актуализации индивидуального через упадок элитарного [10]. В духе критического подхода франкфуртской школы, массовая культура способствует обезличиванию человека, ведет к политико-психологической лояльности, апатии. Однако демонизация «массового человека», начатая Х. Ортеги-и-Гассетом, несет достаточно умозрительный характер, потому что в той или иной форме он всегда был, только в виде социальных групп, классов, сословий. С другой стороны, не стоит списывать того факта, что современный человек обладает несравнимо большим «количеством информации», чем средневековый крестьянин, в том числе и продуктов массовой культуры. Но у массового человека становится меньше выбора. К этому приводит взаимная логистическая и информационная интеграция. Массовый человек — это человек, не знающий норм, в отличие от человека обстоятельного. Правил либо слишком много, чтобы знать их, либо узнать о них довольно тяжело по естественным или умышленным причинам.

Согласно М. Хайдеггеру, техника не только служит средством для достижения определенных целей, но также определяет сам способ мышления и понимания мира. Концепция М. Хайдеггера по вопросу философии техники оказала значительное влияние на развитие философской мысли и сегодня является одним из важных элементов обсуждения технической цивилизации и ее

влияния на человека и мир. Разработав концепцию «истины как сокрытия», философ противопоставляет ее корреспондентской теории истины. В своей работе «Бытие и время» М. Хайдеггер утверждает, что понятие истины является связанным с сущим и бытием, поэтому феномен истины нужно включить в фундаментальную онтологическую проблематику [12]. Автор утверждает, что характеристика истины как «согласованности» (*лат. adaequatio*) является чрезмерно обобщенной и пустой. М. Хайдеггер критикует концепцию, где истина — это соотношение, соответствие мысли действительности. Корреспондентская теория истинности, которая критикуется им, настаивает на истине как качестве, принадлежащем суждению и характеризующем некое фактическое положение дел в мире. Он утверждает, что это «ничтожность» мысли, восходящая к Платону, который представлял истину как соответствие правильному представлению, то есть идеям. Платон лишь множит «сущее», так как бытие у него выступает тем же сущим другого рода — идеями [13]. Задача М. Хайдеггера состоит в том, чтобы помыслить бытие без посредства сущего, чтобы бытие как предмет нашей мысли, то, на что она направлена, не оказалось связано с каким-то сущим. Так, он выдвигает свою концепцию истинности как не-сокрытости — быть истинным, значит быть раскрывающим. Для М. Хайдеггера истина это не то, что соответствует или не соответствует действительности, а то, что разворачивается в языке последовательно. В книге «Бытие и время» он пишет: «Присутствие выговаривает себя; себя — как раскрывающее бытие к сущему» [12. С. 251]. Важно заметить, что у М. Хайдеггера нет отличия истины от лжи, истины от заблуждения. Таким образом, транслируемый радиоприемником музыкальный шлягер или новостной репортаж, является для М. Хайдеггера «источниками истины», потому что он сам обговаривает всё бытие и сам на себе настаивает. Истина как раскрытие противопоставляется не лжи, а сокрытию. Сокрытие является тогда, когда мы не видим смысла сущего. Так, М. Хайдеггер попадает в поле «медиа реализма», где главную роль играет техническая возможность, позволяющая транслировать «сообщение» на аудиторию. Если бытие само говорит и само себя открывает, то звучащий из каждого радиоприемника звук это и есть «голос бытия». Таким образом, существует материальный базис у возможности речи на себе настаивать: радиоприемники, печать, телевидение, интернет-коммуникации. Достаточно обы-

денная фраза в повседневности: «Да брось, это же п-музыкант, ты не можешь их не знать», — является ключевой (ты не можешь не знать того, что тебя окружает повсюду и всегда в твоей жизни). Тоталитарная современная речь — это попытка мобилизовать средства коммуникации тем же способом, как когда-то функционировала традиционная публичная повестка, где одна верховная речь обговаривает всё, и не терпит рядом альтернативной речи. В данной ситуации тот или иной нарратив продвигается его «громкостью». Однако глобальность телекоммуникации, вовлеченность в нее огромного количества совершенно разных людей неизбежно будет порождать «искажения», альтернативные речи. Материальный базис современных коммуникаций предрасполагает, чтобы звучало множество речей со своим наговоренным смыслом, вступающих друг с другом в отношения. Эта ситуация создает занятую дискуссию, где на техническом уровне, в отдельных категориях «популярности» и «моды», хайдеггеровская концепция «открытость» — «сокрытость» может вполне работать, но она не может быть тотальной. Этой темы касался Г. Зиммель, рассуждая о природе моды. Мода (называя языком медиапространства, — «хайп», *англ. hype* — «шумиха»), выросшая из «сокрытости», всегда стремится к распространению, но по достижении пределов, абсолютных целей приводит ее к внутреннему самоуничтожению и потребительской инфляции. Поэтому культурная сущность моды, как всего актуального состоит, по Г. Зиммелю, в ее ускользании, устремлении, которое никогда не будет достигнуто [4. С. 271]. По мнению Д. Ваттимо, новые средства коммуникации сделали мир многоголосым, который заключал в себе появление множества субкультур, движений, меньшинств. Этот расцвет плюрализма Д. Ваттимо называл «эффектом масс-медиа». С этим эффектом происходит размытие понятия реальности, ее образа со склонностью людей к эскапизму, инфантилизму. По мнению теоретика, мир идет по пути Ф. Ницше, где реальность всего лишь успокаивающий миф [2]. Мир масс-медиа освобождает от «центральной» реальности, взрываясь и дробя местные локальности. Это современная эпоха, где мир сводится к образам, симуляциям Ж. Бодрийера. По мнению Д. Ваттимо, общество массовых коммуникаций теперь больше похоже на строительство Вавилонской башни, мир свободы интерпретаций [2. С. 54]. Уже всякая речь на своем уровне отличает истину от лжи. Эти речи в разных областях знания,

наращивают объём своего «наговоренного», которое, например, в геологии или филологии, является настолько сложным для обыденного понимания, что обладает собственным языком: терминологией и методологией. Особенность современного информационного общества заключается в том, что практики научных дисциплин крайне сложны, и их языки настолько богаты, что традиционная речь, или так называемый «большой нарратив» Ж. Лиотара, не сможет всё обговорить материально, это физически невозможно. Философское развитие хайдеггеровской «сети подручности» можно обнаружить в акторно-сетевой теории Б. Латура. Его концептуальная структура сети является тем пространством, в котором собирается социальное, где каждый актер является пунктом, из которого выходят отношения. Схемой этих отношений является сеть, в которой находятся акторы — все вещи мира. Дихотомия субъект-объект размывается и низвергается. Очевидно, что у Б. Латура пространство состоит из акторов-объектов, которые сводятся к отношениям. Эти объекты «возвращаются с задворок социального». Мыслитель сравнивает свой метод с магическим превращением, оживлением [8. С. 105]. В медиапространстве интернет-сетей оживают культурные, гуманитарные концепты посредством вовлеченности в них достаточного количества пользователей. Сеть представляется как инструмент для сборки социального. Акторы, взаимодействуя с другими актерами, оставляют «следы» — тропинки, которые могут зарастать и появляться в зависимости от плотности их взаимодействия. Такая плоская онтология переполнена значениями и в какой-то мере философски перегружена. Б. Латур не редуцирует ее к каким-то общим законам, бытие «кишит» и множится в его сети, где есть все вещи, какие только смогут о себе что бы то ни было заявить. Как подмечает Б. Латур, в этой ситуации научное знание выстроило наиболее плотную и прочную связь отношений между актерами, откуда происходит ее авторитет.

Медиа как машинный филум

Исследовать философию технологий медиа, акцентируя внимание на ее главном, прагматистском характере, предлагает М. Деланда. Современная «ситуация машинерии» или, как ее называет автор делёзовским термином «машинный филум» (целостный, системный процесс, выражающий логику машин), провозглашает новые социальные парадигмы в виде взаимодействия

людей и военной техники [6]. М. Деланда настаивает на синергетической природе «машинного филума», функционирующей при условии ее системности [11]. «Если раньше считалось, что только биологические явления важны для изучения эволюции, сегодня выясняется, что и инертная материя способна порождать структуры, которые могут подвергаться естественному отбору» — пишет М. Деланда [3. С. 118].

Машинный филум техномедиа формируется вследствие развития информационных технологий и роста информации. Наблюдение М. Деланда заключается в децентрализации системы принятия решений, где инициатива передается на места непосредственной близости к оперативным единицам. Этот подход стоит в противовес централизованным армиям прошлых веков, которые оказывались неэффективными перед вызовами высокой степени неопределенности. Сетевая военная машина М. Деланда иллюстрирует его взгляды на технологический прогресс, информационное общество и будущее военных конфликтов. Посредством информационных технологий, начиная с появления радиосвязи, произошло делегирование решения тактических схем непосредственно командирам в поле [3. С. 165]. М. Деланда отмечает, что коммуникация внутри автономных групп-систем усиливает значимость морально-психологического фактора, в том числе и боевого духа, на который также могут влиять техномедиа. Централизованная структура управления и принятия решений подразумевает детальное составление тактических планов и контроль за их выполнением. В свою очередь, увеличение числа деталей и объема мониторинга приводит к кратному увеличению обработки информации [5]. М. Деланда приводит в пример технологию радиолокации, где во времена Второй мировой войны радары на макротехнологическом уровне заменили собой средневековые крепости [3]. В свою очередь, современные интернет-технологии, берут свои истоки в американской сети ARPANET — военном проекте устойчивой коммуникационной сети для передачи информации в условиях термоядерной войны. Таким образом, одна из главных позиций М. Деланда по «вопросу техники» заключается в акцентировании внимания на том, что история вычислительных машин и интернет-коммуникации имеет непосредственно милитарные корни и сущность. Обеспечение информационной безопасности тех или иных социальных структур представляется в виде строительства таких же «цифровых крепостей», где стенами являются

криптография и протоколы. Интернет-коммуникация обладает высокой степенью анонимности, что позволяет военным организациям скрывать свою реальную идентичность и оперировать под прикрытием в сети. Это может быть использовано для осуществления кибератак на вражеские информационные системы.

М. Деланда сочетает свой дискурс с современным развитием исследований по урбанизации, с их акцентом на технологизацию архитектуры, где современные города представляют собой коммуникационные узлы, связанные между собой инфраструктурой. Это гигантские агломерации, порой состоящие из нескольких населенных пунктов, которые М. Деланда называет «городским регионом». «Машинный филум» города — это сверхмощные современные твердыни, которые имеют инфраструктурную экосистему и собственную культурную жизнь. М. Деланда рассматривает мегаполисы как коммуникационные узлы, объединенные инфраструктурой и информационными потоками, акцентируя внимание, что средства медиа и связи играют важную роль в организации и координации городской жизни [3].

Техномедиа как военная стратегия

Помимо прагматистского аспекта, техника и инструменты медиа имеют глубокое влияние на культуру и мировоззрение человека, являясь его посредником во взаимодействии с миром. Современные медиа определяют повестку дня и задают поведенческие рамки для социума. Интенсивное взаимодействие акторов коммуникации служит площадкой противостояния потоков информации и дискурсов. Так, американский социолог Г. Лассуэлл заявлял о необходимости конкуренции за внимание и интерес аудитории, разработав методолого-понятийные блоки по психологической борьбе в медиaprостранстве: «демонизация», «деморализация», «взаимопроникновение», «акцентирование», «контрпропаганда» [7]. М. Маклюэн заявлял, что в электронные времена холодной войны, отличить агентуру от гражданского почти невозможно, где ведомства могут реализовывать операции, направленные на влияние настроений и установок как внутри страны, так и на международной арене [9]. Г. Лассуэлл как пример информационно-психологической работы приводит провокационную статью русского философа В. Эрнста, где последний обвинял философию И. Канта, считая, что немецкая коллективная учёность, «породила орудия Крупина» и «юнгерскую

военщину» [7. С. 30]. Противостояние в медиaprостранстве — это манипуляция информацией, проводимая государствами, группами, организациями, отдельными людьми с целью воздействия на психологический, культурный или политический климат в обществе. Как итог этой деятельности — изменение мнений, настроений, убеждений целевой аудитории. Важная особенность таких операций в том, что они работают в «открытых обществах», пространствах концептуальной свободы, где продвижение нарратива у аудитории не вызывает очевидных подозрений.

В своей работе «Война в эпоху разумных машин», М. Деланда утверждал, что техническое и медийное противостояние является ключевой составляющей в военно-теоретическом дискурсе. Принципиально новая технологическая стратегия конфликтов заключается в устрашении противника посредством информационно-психологических атак и скрытых диверсий, при которых затруднительно доказывать участие «выгодополучателя» [1]. Дезорганизация управления, подрыв боевого духа и политико-дипломатическое давление являются современными методами воздействия на врага [3. С. 127]. «В определенном смысле, «блицкригом» называлась не новая тактическая доктрина, а новая стратегия завоевания, которая заключалась в устрашении потенциальной жертвы посредством авиационных налетов и пропаганды, за которыми следовали ударные танковые атаки, цель которых — сломить волю к сопротивлению», — пишет М. Деланда [3. С. 118]. Таким образом, помимо атак на технические системы, целью информационных войн является разложение морально-психологического состояния конфликтующей стороны. Средства массовой коммуникации имеют удивительную способность вызывать эмоциональные реакции и стимулировать определенное поведение у группы людей: истерику, паранойю, панику, страх, солидарность, разочарование. Информационные технологии, контроль над ними, по М. Деланда, будут всегда являться силой, инструментом влияния. «Сетевой» филум, наступивший после «моторизованного», выражается в расширении инфраструктуры и доктрине компьютеризованных машин, доходящей до автоматизации и самоорганизующихся искусственный интеллект.

Заключение

Таким образом, можно заключить, что влияние информационных технологий на философов

нашло их обратное воздействие на понимание техники и медиaproстранства. Актуальные гуманитарные исследования демонстрируют взаимодополняемость современных онтологических программ с концептуальными основами работы коммуникационных технологий. Стоит отметить, что данное исследование отражает экспансионистское видение технических средств коммуникации и их возможного потенциала. В силу своего устройства, пространство техно-медиа часто обладает милитарным характером, так как является не только средством обмена ин-

формацией, но и мощным инструментом воздействия на общественное мнение и информационную сферу, выражаясь в терминологии Б. Латура: «пространством конкурирующих акторов». Опираясь на исторический опыт, приходится констатировать, что ситуация постоянной борьбы за ресурсы и власть является неизбежным проявлением конкуренции. Инновационные методы и технологические инструменты воздействия в медиaproстранстве, возможно позволят в будущем гораздо реже прибегать к сильнодействующим средствам прошлых эпох.

Список источников

1. Бартош А. А. Стратегия и контрстратегия гибридной войны // Военная мысль. 2018. № 10. С. 5–20.
2. Ваттимо Дж. Прозрачное общество. М. : Логос, 2002. 128 с.
3. Деланда М. Война в эпоху разумных машин. Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2014. 338 с.
4. Зиммель Г. Мода. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М. : Юрист, 1996. 607 с.
5. Илюшин М. В. Роль телефонной связи в революционных событиях 1917 г. // Современная научная мысль. 2021. № 1. С. 56–63.
6. Красавин И. В. Устройство сборки, или симуляция онтологии у Мануэля Деланда // Социология власти. 2019. Т. 31, № 2. С. 136–154.
7. Лассуэлл Г. Д. Техника пропаганды в мировой войне. М. : РАН. ИНИОН, 2021. 237 с.
8. Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей. М. : Территория будущего, 2006. С. 342–363.
9. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М. : Кучково поле, 2007. 464 с.
10. Ортега-и-Гассет Х. Восстание Масс. М. : АСТ, 2001. 509 с.
11. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М. : Прогресс, 1986. 432 с.
12. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков : Фолио, 2003. 509 с.
13. Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Историко-философский ежегодник. М. : Наука, 1986. С. 255–275.

References

1. Bartosh AA. Strategy and counter-strategy of hybrid warfare. *Voyennaya mysl' = Military thought*. 2018;(10):5-20. (In Russ.).
2. Wattimo J. Prozrachnoye obshchestvo = Transparent society. Moscow: Logos; 2002. 128 p. (In Russ.).
3. Delanda M. Voyna v epokhu razumnykh mashin = War in the era of intelligent machines. Yekaterinburg; Moscow: Cabinet scientist; 2014. 338 p. (In Russ.).
4. Simmel G. Fashion. Moda. Izbrannoye. T. 2. Sozertsaniye zhizni = Favorites. Vol. 2. Contemplation of life. Moscow: Jurist; 1996. 607 p. (In Russ.).
5. Ilyushin MV. The role of telephone communication in the revolutionary events of 1917. *Sovremennaya nauchnaya mysl' = Modern scientific thought*. 2021;(1):56-63. (In Russ.).
6. Krasavin IV. Assembly device, or simulation of ontology by Manuel Deland. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of Power*. 2019;31(2):136-154. (In Russ.).
7. Lasswell GD. Tekhnika propagandy v mirovoy voyne = Propaganda technique in the World War. Moscow: RAN. INION; 2021. 237 p. (In Russ.).
8. Latour B. When things fight back: a possible contribution of “research of science” to social sciences. In: *Sotsiologiya veshchey = Sociology of Things*. Moscow: Territory of the Future; 2006. Pp. 342-363. (In Russ.).
9. McLuhan M. Understanding Media: External Extensions of Man = Understanding Media: External human extensions. Moscow: Kuchkovo field; 2007. 464 p. (In Russ.).
10. Ortega-y-Gasset H. Vosstaniye Mass = The Uprising of the Masses. Moscow: AST; 2001. 509 p. (In Russ.).
11. Prigozhin I, Stengers I. Poryadok iz khaosa = Order from chaos. Moscow: Progress; 1986. 432 p. (In Russ.).

12. Heidegger M. Bytiye i vremya = Being and Time. Kharkiv: Folio; 2003. 509 p. (In Russ.).

13. Heidegger M. Plato's doctrine of truth. In: Istoriko-filosofskiy yezhegodnik = Historical and philosophical yearbook. Moscow: Nauka; 1986. Pp. 255-275. (In Russ.).

Информация об авторе

В. Р. Филонов — аспирант кафедры логики, философии и методологии науки.

Information about the author

Valery R. Filonov — Postgraduate Student of the Department of Logic, Philosophy and Methodology of Science.

*Статья поступила в редакцию 06.12.2023;
одобрена после рецензирования 10.01.2024; при-
нята к публикации 18.02.2024.*

*The article was submitted 06.12.2023; approved
after reviewing 10.01.2024; accepted for publication
18.02.2024.*

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.